

06
3

ЗАЖГЛАСЬ
ЗОЛОТАЯ ЗАРЯ

ЗАЖГЛАСЬ ЗОЛОТАЯ ЗАРЯ

СКАЗКИ И ЛЕГЕНДЫ

49

Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1939 Ленинград

ОБЛАСТНАЯ
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

35/87
10/20/07

Сказки, помещенные в этой книге, были напечатаны
в сборнике „Творчество народов СССР“, издание редакции
„Правды“, 1937 год.

Переплет, форзац, титул и рисунки выполнены художниками Палеза:
заслуженным деятелем искусств И. МАРКИЧЕВЫМ, заслуженным
деятелем искусств А. КОТУХИНЫМ и художниками: П. БАЖЕНО-
ВЫМ, А. ВУТОРИНЫМ, Д. ВУТОРИНЫМ, М. ВАКУРОВЫМ,
Н. ЗИНОВЬЕВЫМ, Н. ПРАВДИНЫМ, В. САЛАВАНОВЫМ
и М. СПЕРАНСКИМ.

564430

Национальная
библиотека
Республики Алтай
им. М. В. Чевалкова

ЗАЖГЛАСЬ ЗОЛОТАЯ ЗАРЯ

ОЙРОТСКАЯ ЛЕГЕНДА

На Алтае подоблачном, в горной долине,
Где так зелены травы, где небо так сине,
Где так звездочки ярко сверкают в ночи,
Жил-был бедный охотник Анчи.

Он имел одну лошаденку

Да одну коровенку,

И одет он был в ветошь, в худое рванье.

Но охотников метких ведь кормит ружье,

Ведь охота — ойротский извечный обычай.

Мясом зверя и птицы, удачной добычей

Он, Анчи, двух детишек кормил и жену.

И не только кормил он семью одну, —
Нет, когда на охоте удача бывала,
Он богатого бая¹ кормил доотвала,
И, согнувшись пред ним в три дуги,
Без задержки ему он платил все долги,
В сроки подати также вносил он зайсану²
И давал неизменно подарки шаману³.

Но однажды, холодной зимой,
На охоте постигла Анчи неудача:
Шесть лишь белок, шесть белок убитых домой
Он привез, чуть не плача.
У соседей придется сменять их на хлеб!
Но уже чрез порог своей юрты ступая,
Он подумал: „Зачем я не слеп?“
В юрте он увидал кулака Тордин-бая.
„Чем, Анчи, ты порадуешь уши мои? —
Бай сказал, на Анчи взгляд уставивши бычий. —
Говори, не таи,
Ты с большой ли вернулся добычей?“
Голос мягкий у бая, бай ласков, не груб,
Точно масло, стекают слова с его губ,
Как смола от сосны, взгляд прилипчив у бая.
„Ровно месяц я ездил по дебрям Алтая,
А добычи — шесть белок всего!“ — „Ай-ай-ай!
Маловато, — сказал Тордин-бай. —
Мне, однако, сидеть у тебя недосужно:

¹ Бай — кулак, богач.

² Зайсан — старшина.

³ Шаман — гадатель, колдун, знахарь.

И других должников обойти еще нужно.
Мне в счет долга всех белок давай поскорей“,
Молвил бай у дверей,
Шубу шелковую на себе отряхнув,
Руки цепкие к сумке Анчи протянув.
Вынул белок из кожаной сумки Анчи:
„Вот... все шесть... получи...“ —

„Почему ты, отец, отдал белок ему?“
Дети спрашивать стали отца со слезами.
„Почему? — им ответил Анчи. — Потому...
Подростете, узнаете сами!“

На два месяца в горы уехал Анчи.
Пред судьбой как ты там ни вертись, ни скачи,
Но ее, если зла она, разве умолишь!
Неудача постигла опять бедняка:
Одного лишь в тайге он убил соболька,
Одного лишь!
Со своею нетуго набитой сумой,
Весь в печали, вернулся охотник домой.

Соскочить не успев возле юрты с лошадки,
Видит бедный Анчи:
К нему едет — на выжимку подати падкий —
Сам Кокшин-Техмичи:
„В срок платить дань зайсану — хороший обычай.
Чем, Анчи, ты порадуешь уши мои?
Говори, не тай,

Ты с большой ли вернулся добычей?“ —

„Одного удалось мне убить соболька“,

Еле-еле сошло у Анчи с языка.

Облизнулся Кокшин-Техмичи, ухмыльнулся:

„Хорошо, хоть с такой ты добычей вернулся!

Где твой соболь? В счет дани его я возьму“.

На Кокшин-Техмичи поглядел и с тоскою

Златошерстного соболя молча ему

Анчи подал дрожащей рукою.

Проводив злобным взглядом Кокшин-Техмичи,

Вошел в юрту, от горести сторбясь, Анчи.

И сказал он жене: „Умереть можно этак!

Мы умрем, и останутся детки одни!“

Но жена показала на стонущих деток:

„Умирают... они...“

Коль умрут, закопай и меня с ними в яму...

Нет, они не умрут!.. Ах, спаси их, спаси!

Поезжай поскорее к священному каму¹,

Чудотворной молитвы его попроси“.

Раздобыв у соседей хмельную араку²,

Полетел к чудотворцу стрелою Анчи.

Кам, хлебнувши араку, зевнул, как собака,

И, нахмурясь, сказал-проворчал: „Не кричи!

Что случилось? При смерти дети больные?

Сколько? Двое? Мне счет надо точно блюсти:

¹ Кам — то же, что и шаман.

² Арака — водка.

Раз молитвы богам вознесу я двойные,
Должен жертву двойную ты им принести“. —
„Ах! — заплакал Анчи. — Были б детки здоровы!
Забирай для богов всё, что есть у меня“.
Так остался Анчи без последней коровы,
Так остался Анчи без коня,
И как ствол оголенный, лишенный всех веток,
Через неделю остался он так же без деток.
Было горе Анчи велико-велико:
„Где корова, дававшая нам молоко?
Где мой конь, выполнявший и дома работу
И возивший меня по горам на охоту?
Где они, наши дети, любовью рожденные,
Для которых, тяжелым трудом изможденные,
На себя мы тройной возложили бы труд?
Люди врут!
Боги врут!..“

На кощунство Анчи нет ответа.
И куда ни посмотрит Анчи, —
Тьма, бездонная тьма, и не видно просвета!
Солнце скрылось, последние смеркли лучи.
И о чем ни подумает бедный Анчи, —
Думы, словно тяжелые, черные тучи,
Тяготят его голову. А богачи
Всё попрежнему злы и могучи.
Лютым волком приходит к Анчи Тордин-бай,
Нарастающим списком долгов его сушит.
„За долги, — говорит он, — жену мне отдай“.

А зайсан его страшною податью душил.
И сказал так Анчи (речь была его — стон),
Он жене так сказал, что узнать хочет он,
Почему беднякам тяжело спокон века:
Есть взаправду ль такой неизменный закон,
Чтоб терзал человек человека?
„Я пойду, обойду
Шестьдесят на Алтае живущих народов,
И ответ я найду
Без обмана, без хитрых обходов.
Я узнаю пойду:
Есть ли сила такая на свете на белом,
Чтоб зайсан перед нею стоял онемелым?
Будет время такое на свете иль нет, —
До того не умру ль я, успевши состариться? —
Когда бай, не имея гроша на обед,
На прогорклый сухарь будет зариться?
И найдется ли мудрость такая, и в ком,
Чтобы кам оказался пред ней дураком?
И пока мудреца я не встречу такого,
Чтоб на это на всё он ответил толково,
Не увидеться вновь нам в долине родной,
Где мы счастья с тобою искали прилежно...“
Так сказавши, Анчи распрощался с женой,
Очень ласково с ней распрощался и нежно,
И ушел...

Обошел он шесть раз весь Алтай,
Весь Алтай обошел из долины в долину,

Землю всю обошел он семь раз, почитай, —
Вот какую большую осилил путину!
Но нигде не увидел он силы такой,
Чтоб смогла сжать зайсана железной рукой.
Но нигде не узнал о поре о волшебной,
Когда баи попробуют жизни бесхлебной.
Но не встретил такого нигде мудреца,
Пред которым бы кам превратился в глупца...
Он искал пропитанья на свалках отбросов,
Отдыхал он, попав, как бродяга, в тюрьму.
От ходьбы — его ноги, язык — от вопросов
Ослабели и еле служили ему.
Уж казалось Анчи, он стоит у могилы
И что светлой ему не увидать поры!
Кое-как, напрягая последние силы,
Он взошел на вершину высокой горы.

„Мне, глаза чьи туманы изъели,
Мне, нуждою замученному с колыбели,
Кто мне счастье, кто светлую жизнь принесет?
Есть ли где богатырь доброты столь безмерной,
Что поддержит меня своей помощью верной
И от гибели черной спасет?“
Так вскричал он, Анчи; криком, долгим распевом,
Злой печалью вскипел его голос и гневом.
Вдруг, — Анчи еле мог устоять на ногах, —
Не успело откликнуться эхо в горах,
Как, лишившись как будто на время опоры,
Сотряслася земля, зашатался горы;

Над Алтаем, сверкая, гремя
И свой путь к той горе устремля,
Где Анчи слово гневное сказано было,
Лучезарное облако всплыло.

На востоке зажглась золотая заря,
Солнце землю окинуло огненным взглядом,
И луна, серебристым узором горя,
Засияла с ним рядом.

И увидел Анчи: богатырь перед ним
Средь бескрайных просторов, народом обильных,
Землю всю сотрясающий словом одним,
Видом — добрый из добрых и сильный из сильных!
Его брови — подобие горных хребтов!

Его очи горят ослепительным пламенем!

Мир, казалось, весь встать немедля готов
Под его алым знаменем.

В его правой руке блещет солнечный луч,
В левой — лунный. Он добр и могуч.

Он сказал — и слова, точно гром, прозвучали
Над горами, лесами, извивами рек:

„Ты откуда явился сюда, человек,
Дни и ночи свои проводящий в печали?“ —

„Я — бедняк, — потрясенный Анчи дал ответ. —
Себя черным трудом, бедняки, мы увечим.

Я трудился всю жизнь от младенческих лет,
А прикрыть свои голые плечи мне нечем, —
Одеяния нет.

А желудок мой пуст, накормиться мне нечем,—
Пропитания нет.

Вся добыча моя, всё, что я ни достану,
Сразу баю идет и лихому зайсану.

Коль останется что, приберет всё к рукам
Жадный кам.

Все они, словно черные вороны,
Расклевали меня и влачат во все стороны!
Может быть, новый путь ты укажешь векам
Вместо нынешней, залитой кровью дороги?
Может, ты не оставишь меня без подмоги
И поможешь таким же, как я, беднякам?“ —

„Знай, Анчи: от моих громоносных ударов
Ныне пала навеки зайсанская власть.
Обеззублена у богачей, у байларов¹,
Ненасытная их, кровожадная пасть.
Камов черный обман вскрыт пред всем белым
светом.

Беднякам к светлой жизни распахнута дверь,
Всё, что добыто ими зимою и летом:
Скот домашний, лесная ли птица и зверь,—
В их руках всё теперь.
Ваше всё то, что было доселе зайсаново.
Бедняки, стройте жизнь свою заново,
Дружной, братской семьей общий подвиг творя!“
Так сказал богатырь светлорадостный ликом,

¹ Байлар — богач.

И народ, окружающий богатыря,
Подтвердил его речь бурным, радостным кликом.

„Назови свою родину, о богатырь!

Своих прадедов мне назови, богатырь!

Пусть, в тебе воплощенный, их дух будет вечен!

Быть не может, чтоб дикий, бесплодный пустырь

Богатырством таким, как твое, был отмечен!

Я пойду извещу весь родной мой народ

О сметенном тобою зайсановском племени.

Назови свое имя, чтоб каждый ойрот

Повторять его мог в самом дальнем колене,

Чтоб ойроты, — а есть и среди них силачи, —

Защищали порядок, тобою основанный“.

Так, весь радости полный, ответил Анчи,

Богатырскою речью в душе очарованный.

Весь народ, окружающий богатыря,

Обратился к Анчи, говоря:

„Не сошел к нам он с неба, окутанный тучей,

Не из недр он подземных явился на свет, —

Сын родного народа, он мудрый, могучий,

За народ он боролся — не счесть сколько лет.

Сокрушил он врагов. Его подвиг нетленен.

Его имя великое — Ленин!“

Тут тесней еще Ленина, дав свой ответ,

Весь народ окружил, словно ласточек стая,

Когда в небе она, щебеча и играя,

Поздравляет природу с весной.

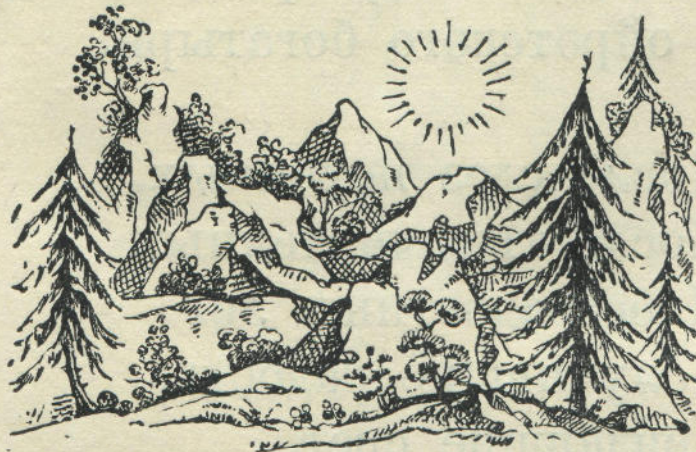
И увидел Анчи: рядом с первой луной
Появилась вторая.

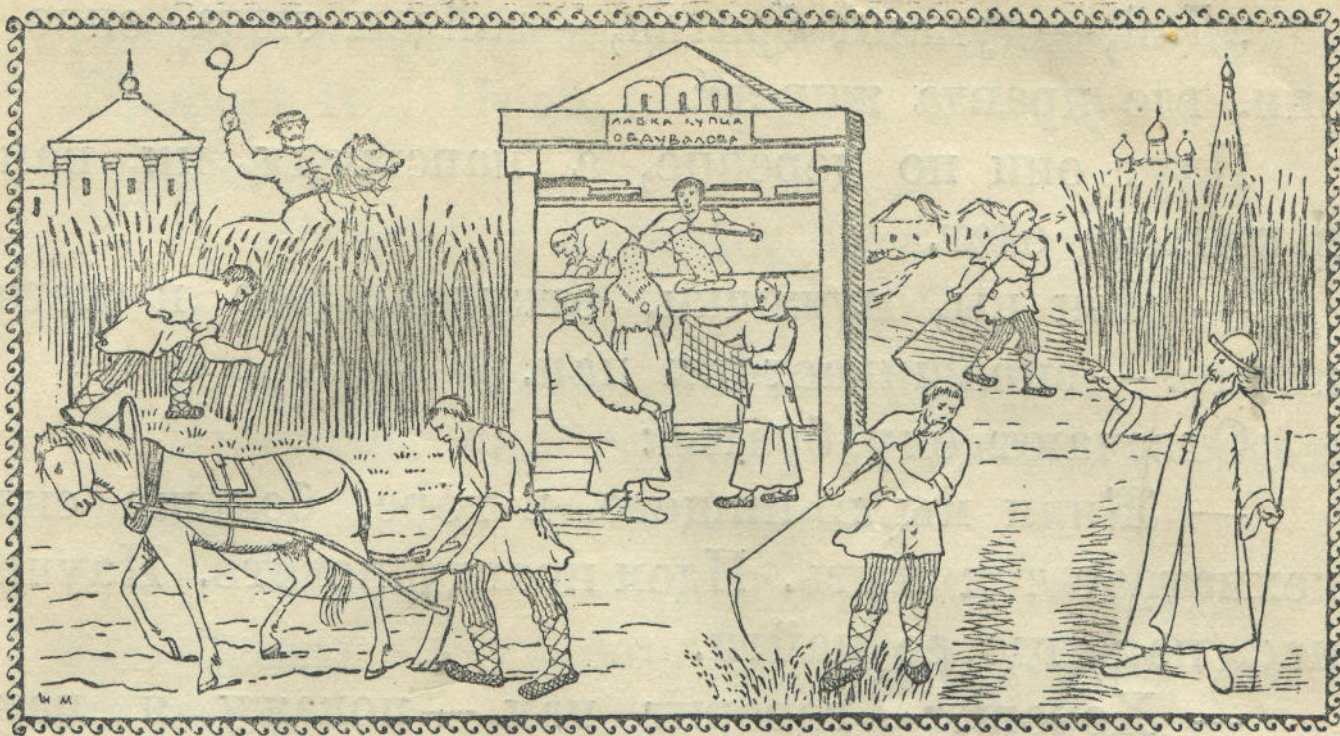
И, усилив торжественный хор
Трех светил, в их сверкающем строе
С солнцем рядом, над высями гор
Появилось солнце второе.

Пролилися живые, двойные лучи
На смертельно усталое тело Анчи,
И почувствовал он: жизнь к нему возвращается,
И он сам, от двух солнц теплоту их беря,
Наливается силою и превращается
В молодого ойротского богатыря.

После слез неумных,
После тысячи темных
И безрадостных лет
Получившие радость,
Увидавшие свет,
В черном рабстве рожденные,
Ныне освобожденные
От враждебной расправы,
Мы поем тебе песню —
Песню чести и славы,
Ленин!
Из поколений
Перейдет в поколенья
Мудрость слов твоих,
Ленин!
Вечно будет народ наш

Прославлять тебя в песнях.
Все прекрасные птицы Алтая,
И алтайские сочные травы,
И могучие наши леса,
И алтайские бурные реки
Будут петь о тебе эту песню,
Полюбив твое имя навеки,
Ленин!

ЛЕНИНСКАЯ ПРАВДА
БЕЛОРУССКАЯ СКАЗКА

Жили в деревне два брата. Поле пахали, землю слезами поливали, горбы себе наживали. Хлеб и скотину у них паны забирали, а платили за это кулаками в спину. Маялись братья не год и не два, а неизвестно сколько. И другие мужики вокруг жили не лучше братьев.

Надоело братьям работать на чужое здоровье. Решили они отправиться по России-матушке искать правду. Пошли. Идут месяц, идут год. Видят — стоит большое село. Посреди села — панский дом, и рядом — церковь каменная.

„Дай, — думают братья, — зайдем сюда, спросим, где правда живет“.

Идут они по деревне, а навстречу им пан в коляске едет.

— Чьи вы, мужички, откуда идете и чего ищете? — спрашивает их пан.

Отвечают ему братья:

— Жили мы в нищете, в гóре, больше сил нехватает так жить. Идем правду искать. Научи нас, пан, где ее найти.

— Хорошо, — говорит пан, — покажу я вам правду, если пожелаете, только вы мне год поработайте за это.

Согласились братья.

Работали они, работали: поле пахали, землю слезами поливали. Прошел год. Приходят они к пану и говорят:

— Научи же нас, пан, как нам правду найти.

— Ну, вот вам и правда, — отвечает им пан: — голь вы немытая, работать вам всегда на нас, панов!

Плюнули братья и пошли дальше.

Идут месяц, идут год. В село пришли. Поп идет навстречу.

Братья — к нему:

— Научи, отец, где правду найти.

— Хорошо, — говорит поп, — я вам правду у царя небесного вымолю, а вы у меня год за это поработайте.

Согласились братья. Работали они, работали, пашню попу пахали, слезами землю поливали. Прошел год. Пришли братья к попу, а он им говорит:

— Работайте хорошо, бога не гневите, — вот ваша правда!

Плюнули братья, пошли дальше.

Приходят они к купцу. Вышел он — богатый, толстый, толще пана и попа.

— Хорошо, — говорит купец, — научу я вас, где правду найти, только поработайте вы год на меня.

Согласились братья. Стали они на купца работать, горбы наживать. Учил их купец, как честной народ обманывать, бедноту обмеривать. Не прошло еще и года, как младший брат и говорит:

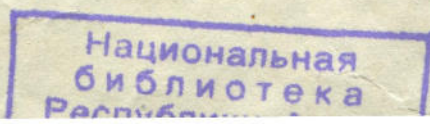
— Не пойду я больше правду искать! Нет ее на свете, правды мужицкой!

И вернулся он в свою деревню.

А старший брат — настойчивый, не хотел без правды домой возвращаться. Пошел один к фабриканту.

Фабрикант и пана, и попа, и купца богаче. Начал старший брат работать у него. А на фабрике много людей работает.

Работали они много лет. Горбы наживали, а правды не видали. Раз услышал брат тихую беседу:

— Есть только один человек, который правду знает. Зовут этого человека Ленин, а живет он в Питере.

Запомнил брат имя и пошел искать этого человека.

Шел много дней, а может быть и месяцев. Пришел в Питер. Видит — идет рабочий. Он его спросил тихонько:

— Где здесь Ленина найти?

А тот ему еще тише:

— Пойдем за мной, я тебя доведу.

Вот пришли они в обыкновенную комнату. Врутом разных книг много.

Вышел к ним человек, — одет небогато, но чисто.

Вышел и ласково говорит:

— Здравствуйте, товарищи. Что скажете хорошего?

Рассказал ему брат, как он правду искал. Долго с ними говорил Ленин о порядках на фабрике, о деревенской бедноте расспрашивал, а потом сказал:

— Правильно ты сделал, что на фабрику пошел правду искать: там скорее узнаешь, где она есть. Вы ее в руках своих держите.

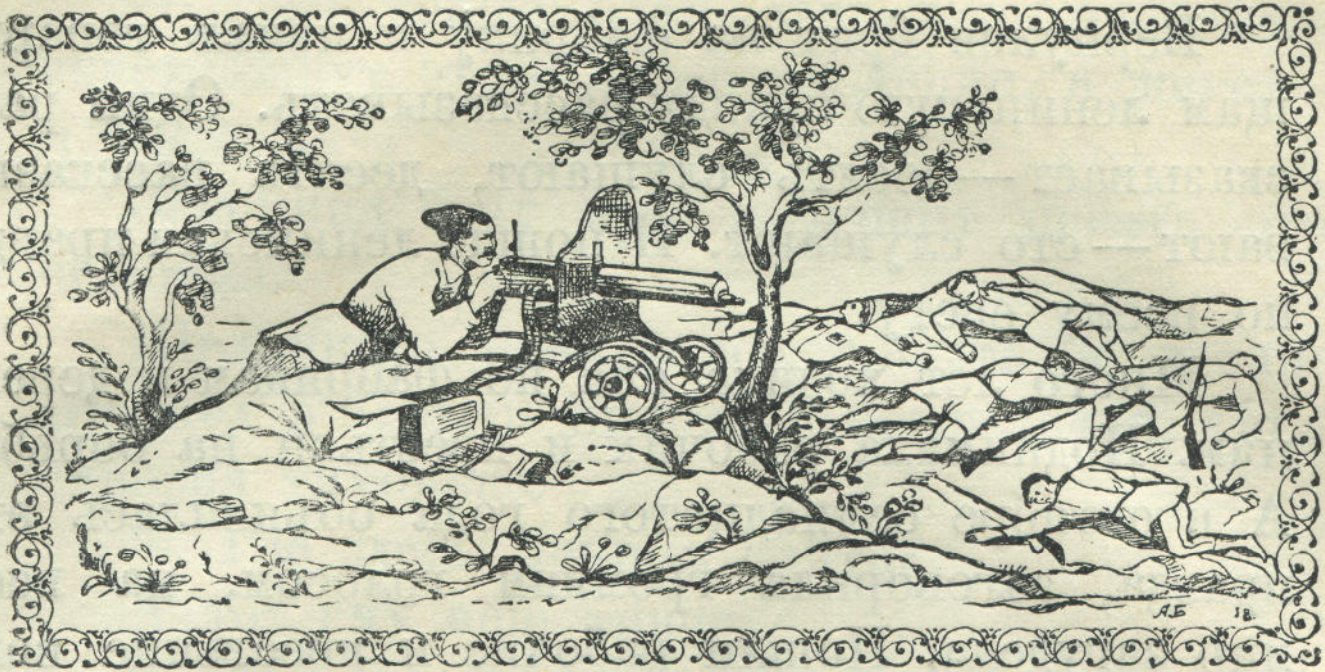
И рассказал Ленин брату, как надо за рабочую правду бороться, чтобы не служить ни панам, ни купцам, ни фабрикантам, и как выгнать их вместе с царем.

Вернулся брат на фабрику и начал товарищам ленинскую правду рассказывать. Один рассказывает — десять слушают, десять рассказывают — сто слушают. И пошла ленинская правда по всему свету.

Много лет ходила она по фабрикам и деревням. Поднимала рабочих и крестьян на борьбу. А в октябре семнадцатого года объявилась эта правда, заговорила громким голосом, на весь мир загудела. Пошли рабочие и крестьяне войной на помещиков и фабрикантов. А повел их сам Ленин со своим лучшим помощником — Сталиным. И взяла верх ленинская правда.

С тех пор рабочие и крестьяне не работают больше на панов и фабрикантов, горбов не наживают, землю слезами не поливают, — сами хозяева своих фабрик, своей земли и жизни своей.

Ж И В Ч А П А Е В !

РУССКАЯ СКАЗКА

Чапаев был гордый и смелый, хоть и простого звания.

В ту кровавую войну, что вели буржуи разных стран-государств, Чапаев служил простым солдатом.

Смелый он был, никого не боялся и шашкой работал, что хороший плотник топором: ударит — не промахнется. За то ему генералы и офицеры разные ордена да ленты давали.

Только Чапаев был не такой, чтобы генеральские подарки брать.

А потом, как буржуев скинули, прослышал про это Чапаев, собрал всех солдат и такое слово держал:

— Вот мы, солдаты, и свободы дождались, и землю в свои руки наши мужики взяли. Так будем мы воевать дальше аль нет? Давайте лучше по домам пойдём!

Ну вот, погуторили солдаты, ружья, сумки — через плечо, да и пошли на станцию, домой ехать.

Ладно, поехали. А тут войско большое, а впереди знакомый генерал на белом коне, как сыч, сидит, всё пузо в орденах.

— Вы куда, солдаты? — говорит генерал.

— Домой.

— Как так домой, когда война не кончена? И приказ дает всем обратно шагать.

Тогда Чапаев встает и говорит:

— Не слушайте генеральских обманов! Свобода сейчас! Меня слушайте! Мало нас, отступать надо, только бы в генеральских цепях не быть.

Ладно. Как сказал Чапаев, так солдаты и сделали: ушли от генеральского войска. Догоняй ветер в поле!

А на станции, куда приехали солдаты с Чапаевым, еще другие солдаты встретились. Тоже домой собрались. Думают солдаты: „Ехать нельзя. Как быть?“

— Воевать надо, — сказал Чапаев, — пока всех буржуев да их генералов долой не выгоним. А воевать не будем — нас перебьют и свободу задушат. Правду я говорю, товарищи?

— Правда! Надо воевать!

Выбрали солдаты своим командиром Чапаева. Стало у него войско. К солдатам еще рабочие и мужики пристали. Стал Чапаев большим красным командиром. Ну, и повел он на знакомого генерала свои полки. Дорóгой ему мужики коней дали, посадил он всех солдат на этих коней — и пошли! Чапаев сначала позади ехал, а как стали подъезжать ближе к генеральским, — усы покрутил, папаху заломил, вынул шашку, вынесся вперед и крикнул:

— За мной!..

И рассыпались по полю, понеслись чапаевцы. А Чапаев обернется назад и подбадривает:

— Смелее! Песню!..

Запели, — любил Чапаев песни! — и сразу словно силы прибавилось у каждого. Так с песней и налетели на генеральских. Оробели сразу те, смотрят: откуда такое войско взялось? А генерал как стоял, так и обмер, уронил бинокль — да на лошадь, да удирать! А за ним и всё его войско.

С того дня все генералы узнали, какой такой Чапаев. Если с песней идут в бой и командир впереди, — это самые чапаевские и есть. А самый

«смелый — Чапаев. И простой, что боец-красноармеец: бою нет — он песни поет со всеми и танцы танцует, а спать ляжет — тоже со всеми. За смелость, за простоту и любили его бойцы. В обиду никого не дает, стоит за землю и свободу. Скажет только бывало:

— Вот отвоюемся, чудесно будем жить. А пока, ребята, воевать надо, твари кругом много расплодилось.

И дума у людей: правду командир говорит!

Пленных приводили к Чапаеву. Бывало спросит Чапаев у пленника:

— Кто я таков, знаешь? Я — Чапаев!

У пленника и глаза на лоб. „Убьет!“ думает. Только не убивал Чапаев несознательных.

— Значит, ты мужик, а против своего же мужика воюешь? Так, что ли?

Пленник молчит.

— Вот что, брат: иди ты к своим, скажи, что Чапаев не зверь, он — за народ, и умрет за народ.

Чудно́ станет генеральским: „Как так „иди“? Кто же так пленников отпускает?“

— Что ж ты стоишь? — говорит Чапаев. И сам выведет, руку подаст на прощанье.

Только не все уходили от Чапаева. Жалко им было расставаться с добрым командиром:

— Много мы против тебя воевали, прими теперь к себе.

Таких пленников Чапаев оставлял. Звезду прикрепит, винтовку даст. „Воюй“, скажет.

Целые села шли к Чапаеву. Генералы пятиться начали всё назад да назад, к пескам бухарским, калмыцким, к самому морю Каспию.

Как-то однажды разогнал Чапаев всех генеральских далеко, сам в городе Лбищенске остался.

— Ну, теперь можно и отдохнуть, — говорит. — Пошлю я полки в разные стороны тварей добивать.

Так и сделал. С собой оставил один только полк. Узнали про это генералы: так, мол, и так — с Чапаевым людей мало.

Обрадовались генералы. А когда в Лбищенске все спали, они и подкрались ночью. Видимо-невидимо, что твоя мошкара! Лбищенск обложили. Слышит Чапаев — стреляют. Выбежал на улицу. Эге! Мошкары сколько! И выругался крепко — недоглядел, проспал...

Поднялись бойцы-красноармейцы во двор, а там Чапаев уже пулемет настроил и строчит. Бились чапаевские ночь и утро. Мошкара боится вперед итти. И назад не пятится. „Выбьем этого Чапаева“, надеются...

Ранили в этом бою Чапаева и говорят, будто утонул в реке Урале.

Только неправда, что Чапаев утонул. Генеральские побили чапаевских, правда, а Чапаев

остался. Раненый, весь в крови, шатается. Петька, товарищ его, поддерживает.

— Что ты один сделаешь? — говорит ему Петька.

А Чапаев уж и говорить не может — ослаб. Взвалил его Петька на себя, да в Урал-речку, да на себе и переправил за речку. Выходил там его.

Выжил Чапаев и прозвище сменил, не Чапаевым стал прозываться, а по-другому как-то. И сейчас, люди бают, жив Чапаев, большим начальником стал, — справедливый такой, добрый.

СМЕРТЬ ЧАПАЕВА

РУССКАЯ СКАЗКА

В некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живем, жил-был крестьянин. Звали его Иваном. И было у него трое детей.

Старшего звали тоже Иваном, среднего — Петром, а младшего — Василием.

Жили они очень бедно, не имели своих ловушек на зверя и лодки, на которой выезжают рыбу ловить.

И вот крестьянин Иван жил, жил — и так бедняком и помер.

Осталась вдова с детьми. А когда выросли дети, случилась война. Старших сыновей забрали на войну, остался с матерью младший — Василий. А потом и ему пришла очередь на войну идти. Всех тогда брали поголовно. Распростился Василий с матерью и отправился на войну. И осталась мать одна-одинешенька.

Вот идет Василий по деревне. А жила тут недалеко его тетка, материна сестра. И он думает: „Дай зайду к тетушке, прощусь, — может, и не вернусь с войны“.

Зашел.

— Здравствуй, тетка!

— Здравствуй, здравствуй, племянник! Куда идешь?

— Да вот, тетушка, на войну надо идти. Старшие братья уж воюют, ну, и мне приходится.

Она ему и говорит:

— Слушай, племянник! Дам я тебе кольцо. Это кольцо у меня от мужа осталось. Принес он кольцо с турецкой войны. И в этом кольце такая волшебная сила, что никакая тебя пуля не возьмет, никакой меч не посечет. А действовать кольцо будет только на суше, а уж на воде сила у него слабеет, — это запомни.

Поблагодарил Василий тетку за кольцо, попрощался и пошел дальше. Вот пришел он на призыв и стал тут обучаться военному делу. И так

он быстро выучился и так был силен да умен, что сразу пошел он на войну, и никакая пуля его в боях не брала.

Прослужил он на войне три года, а когда война кончилась и стала советская власть, приехал Василий Иванович домой. А кроме него, никто из братьев не вернулся. Братьев убили на войне. Пожил Василий Иванович немного дома, а потом задумал жениться. Взял он из своей деревни у бедного крестьянина дочку, сыграли свадьбу. И стал Василий Иванович жить со своей женой. А через некоторое время, через год там или два, родилось у них двое детей.

Прослышал однажды Василий Иванович, что задумали генералы уничтожить советскую власть, а вместо нее свою утвердить. Обидно стало тут Василию Ивановичу, что погибнет весь трудовой народ. Подумал Василий Иванович и решил: „Лучше я еще раз пойду на войну, а уж не дам погибнуть своей родине!“

И говорит своей матери:

— Ну, маменька родимая! Пойду я защищать власть советскую.

Говорит ему мать со слезами:

— Было у меня три сына, остался ты один. И тебе придется голову сложить, коль пойдешь второй раз на войну.

— Нет, мать, — говорит он, — я пойду! Если умру, не оставь ты моих малых деточек.

Распростился он с матерью и с женой, оседлал своего вороного коня и поехал в Красную армию.

Приезжает он в войска советские, к красным командирам, поклонился и говорит:

— Здравствуйте, красные командиры советские! Хочу служить в Красной армии, хочу помочь своей родине, хочу Колчака с Деникиным прогнать, чтобы трудовой народ освободить.

Командиры и говорят:

— Здравствуй, молодец! А кто ты есть такой? Какая твоя фамилия?

— Есть я из такой-то деревни, зовут меня Василий Иванович, а фамилия — Чапаев.

И сделали Чапаева командиром в Красной армии.

И подошел тут вскоре бой кровавый. Вскочил тогда Чапаев на коня и на неприятеля бросился.

Начал он бить, как траву косить, колчаковичей и деникинцев: шесть часов подряд бил, и мечом рубил, и копьем колол, из нагана стрелял. И всё поле было усеяно телами. Колчак не удержался и убежал с остальным своим войском подалее.

А Красной армии солдаты стали про Чапаева говорить:

— Вот это командир! Мы с Чапаевым куда хошь пойдём!

Не прошло и недели, как Колчак собрал в два раза больше войска и пошел опять на Красную армию.

Вскочил Чапаев на своего коня и начал врагов жестоко бить, мечом рубить, копьём колоть. И бил он их целые сутки.

Больше половины колчаковичей убили, кого в плен взяли, а сам Колчак еле-еле успел удрать.

После боя отдохнули маленько, поели, попили.

И пошел Чапаев к товарищу Фрунзе.

Фрунзе ему и говорит:

— Ну, Чапай, молодой герой! Даю теперь тебе целую армию, чтоб совсем Колчака добить. Он опять войска набирает.

Вот пошел Чапаев со своей армией к реке. И расположил он свои войска у одной деревни, а где колчаковичи находятся, он не знал. Надо было во что бы то ни стало узнать, где штаб Колчака. Вот и говорит Чапаев своей армии:

— А что, ребятки, кто поедет со мной на вылазку?

Ну, много, понятно, итти с ним вызвалось. Он отобрал там человек пятьдесят или, может, сто, — и поехали. А уж дело шло к вечеру. И встречают они по дороге одну женщину.

— Эй, тетка, куда идешь?

— Иду, командир, проведать мужа своего в Красную армию, да сбилась с пути, голодна. Иду вторые сутки, не знаю, куда и попаду.

— Ну, пойдём, тетка, мы тебя накормим.

Приказал Чапаев взять её с собой и накормить. Вот идет она с ними. А женщина эта была полячка, и послал её Колчак шпионкой. Но Чапаев об этом ничего не знал.

И вот доехали до одной деревни. А деревня как раз на берегу реки стояла. Мужики и рассказали, где колчаковичи стоят: недалеко за лесом, верст так с десятков будет. Василий Иванович и говорит:

— Значит, так, ребята: ночуем здесь, раз уж ночь нас застала, а утром пойдём за своей армией.

Расположил Чапаев посты, а сам стал на отдых. Заснули все, и Василий Иванович уснул, только один караул остался стоять.

А полячка не спит, дожидается. Дождалась, как Чапаев уснул, и — скорей к Колчаку. Прибежала и рассказала, где Чапаев стоит и что главного войска с ним нету. Колчак обрадовался и даёт приказ своим генералам: „Поймать Чапаева — живого или мертвого“.

Собрали генералы свои войска и окружили Чапаева с трех сторон. Сняли посты и в ночную пору, когда спал Василий Иванович крепким сном, напали на чапаевцев.

Вскочил тут Чапаев, закричал:

— Вставай, ребята! Измена!

Ну, чего говорить: их, может, там сотня и была, не больше, а колчаковичей тьму нагна-ли. Красные в избах держатся, отстреливаются, к себе не подпускают. А уж патронов совсем мало осталось.

И дает тогда Чапаев такой приказ:

— Бегите, ребята, к речке, тут нам не про-рваться. А за рекой войско наше близко, опять на Колчака пойдем.

Кинулись чапаевцы через реку. Увидал Кол-чак, что красные к реке бросились, кричит своим генералам:

— Не давай переходить! Стреляй что есть силы! А то нам всем живым не быть, если Чапаев вырвется!

Колчаковичи пулемет повернули и давай па-лить. Долго плыл Василий Иванович, а потом его в руку ранило (на воде уж кольцо не действо-вало). Только он всё равно не переставал плыть. Кругом стреляют, — много тогда красных поло-жили! Колчак всё кричит:

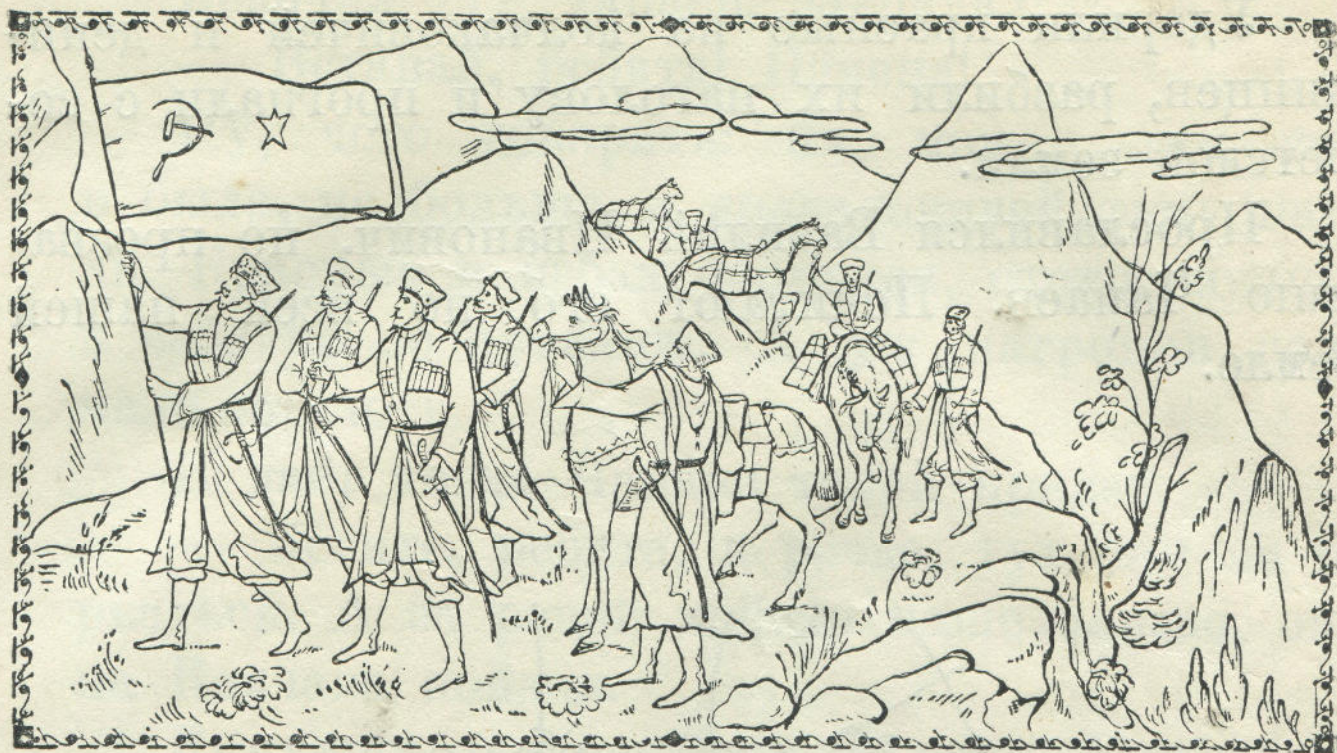
— Добивай Чапая, чтоб он не перебрался! Стреляй по нему одному!

Вот и второй раз пуля попала, покрыла вода его голову. Тут Василий Чапаев и утонул. А уж недалеко был от берега, и красное войско шло на подмогу...

Ударили красные на колчаковичей и денинцев, разбили их наголову и прогнали с советской земли.

Прославился Василий Иванович, по прозвищу Чапаев. Почитают его по всей нашей земле.

ГЕРОЙ САФАР

АВАРСКАЯ ЛЕГЕНДА

Сорок дней и сорок ночей злодеи-собаки Гоцинского¹ держали крепость Хунзах в осаде. Весть о том пошла через снежные горы, реки и равнины — до красного штаба. А в красном штабе — командир Сафар, храбрый джигит². Созвал Сафар свое войско, говорит ему:

— Псы с желтыми клыками окружили красную крепость Хунзах, идемте освободить ее!

Всё войско, как один человек, ответило:

— Идем, Сафар!

¹ Гоцинский Нажмуддин — помещик, главарь контрреволюционеров Дагестана.

² Джигит — наездник.

И двинулся тогда Сафар к Хунзаху. Высокий ли, низкий ли перевал — не отдыхает войско, идет... Сафар оставил седло, отдал коня под вьюк.

— Хочу быть равным с вами, — сказал он.

Две ночи и два дня, не делая привала, двигалось войско Сафара.

В горах знали, что храбрый Сафар стоит за бедных людей. Отцы посылали ему в помощь своих сыновей, невесты — женихов, сестры — братьев. В горах знали, чего хочет собака Нажмуддин Гоцинский. Он хочет вернуть себе занятые бедняками загоны для скота, угнанные стада овец, отобранные сады и пахотные угодья. Его люди грабили по его приказу и в его пользу. Они забирали из амбаров скудную жатву и угоняли последних ослов. Бедняки печалились, кляли свою жизнь и готовили оружие.

Как только стало известно в аулах, что Сафар двинулся в горы с войском, все поспешили к нему. На третий день в большой долине Сафар назначил привал всему войску.

С коней сняли кладь: ящики с патронами, корзины и сумки с дорожными припасами. Зажгли костры, выставили часовых.

Проходила ночь. Сафар разрешил поочередно спать, а сам пошел проверять охрану. Обошел весь лагерь: всё спокойно. Вокруг — высокие-превысокие скалы, и небо для них — крыша. По одну сторону долины — один выход, по другую —

другой, и один уже другого. Подумал Сафар: „Если враг встанет по ту и другую сторону выхода, — что тогда?.. Как выберешься из мешка, в какой вошли?“

Вернулся Сафар к своим командирам и стал держать с ними совет. А тем временем нажмудиновские собаки окружили войско Сафара: заняли все выходы и высоты.

— Лей-ей, Сафар, сдавайся: ты — словно мышь в мешке! — закричали собаки Нажмуддина сверху. — Куда теперь уйдешь? Выходы из ущелья мы закрыли свинцом.

Поднялся Сафар, услышав такие слова.

— Врете! — крикнул он. — Мы пройдем Араканские ворота! Вставайте, партизаны!

И только крикнул Сафар, как сверху полетели камни, раздались выстрелы, посыпалась земля. Те, что спали, проснулись, те, что лежали, вскочили на ноги, те, что имели коней, бросились к ним. Черными козлами прыгали вниз камни. Как туры, скакали они по откосам, разнося смерть. Те, у кого кони, вскочили в седла, рванулись вскачь к одному выходу. Навстречу — пули, огонь. Рванулись к другому — пули, огонь. Много здесь попададо людей. В ловушке оказались — куда пойдешь?.. Сбились посередине долины в кучу и ждут... А камни летят сверху, мнут коней, давят людей, кони мечутся, рвут уздечки, дрожат.

Летят и летят камни...

— Пробьемся! — говорит Сафар. — За мной, партизаны!

И первый идет вперед. Откуда стреляют — не видно, только падают и падают люди...

К утру из убитых — завалы в проходах.

— Лей-ей, Сафар, сдавайся! — кричат сверху. — Тебе не уйти!

Тяжела обида, но молчит Сафар, думает: как быть?

— Сдавайся! — кричат ему. — Разве тымышь, чтобы уйти под землю? Разве ты сокол, чтобы подняться в небо?

И тогда еще раз решает Сафар выйти через проход.

— Партизаны, вы слышали, что говорят нам? — спрашивает Сафар.

— Слышали! — отвечают ему люди.

— Если мы не мыши и не соколы, а красные партизаны, разве мы не выйдем отсюда?

Ворвались люди последний раз в проход, но опять не прошли его, — всех положили вражьи пули. И где теперь только не было врага, — всюду!...

Раненые кони, оборвав уздечки, с визгом и ржанием носились по долине. Люди искали и не находили прикрытий. Падали убитые...

— Сдавайтесь! — кричали отовсюду.

— Не сдадимся! — отвечали люди.

Свистя летели камни и пули.

— Лей-ей, воины Октября! — кликнул Сафар. — Помните, как Шамиль¹ учил умирать своих воинов?

И тогда все, кто остался в живых, разулись, засучили по локоть рукава, обнажили грудь и запели старинную боевую песню.

Собаки Гоцинского окружили последнюю кучку храбрых. В них стреляли в упор, их, усталых, рубили шашками. Падали воины, а Сафар всё стоял. И когда Сафар остался совсем один, слышит он — скала шепчет ему:

— Тебя окружают, — берегись!

Сафар прижался спиной к скале.

— Смотри, справа тебя хотят схватить, защищайся!

Отразил Сафар удар, а уж слева его стерег второй. И второй удар отразил он.

— Сдавайся, Сафар! Не сдашься — возьмем мертвым, не уйдешь!

— Берите, если руки достанут!

— Нагнись! — крикнула скала.

Нагнулся Сафар — камень пролетел над головой. Ударился камень о скалу, упал к ногам.

Вздрогнула скала:

— Крепок ли ты? — спросила скала.

— Крепок, как ты, — ответил Сафар.

¹ Шамиль — вождь горских народов Кавказа, боровшихся в середине прошлого столетия с русским самодержавием.

И только сказал он эти слова, ударил ему в грудь камень. Не дрогнул Сафар.

— Сдавайся! — закричали опять.

— И мертвым не сдамся!

— Живым возьмем!

Нависла над Сафаром скала ниже, выступила с боков — словно в пещеру ушел Сафар.

— Стойте! Я знаю, как взять его! — закричал один из нападающих.

Вложил шашку в ножны, приказал громко:

— Лей-ей, у кого есть мед? Несите сюда!

Принесли ему меду горных пчел. Он вырвал из шубы клочок шерсти, обвалял его в меду и бросил в Сафара. Шерсть попала на израненную грудь Сафара. Тут же, откуда ни возьмись, слетелись мухи. Облепили они Сафару грудь, впилась в открытые раны. Сафар сбросил липкую шерсть на землю. Но тут прямо в глаза попал второй комок шерсти. Мухи, жужжа, окружили глаза Сафара. Он тряхнул головою — отлетел комок в сторону. Потемнело в глазах у Сафара, зудит, чешется тело, копошатся в ранах мухи.

— Лей-ей, джигиты, кого призвали на помощь? Мух! — в ярости закричал Сафар гоцинским собакам.

— Сдаешься ты или нет? — спросили Сафара враги, готовясь бросить третий клочок шерсти.

— Зовите себе на помощь шакала, тогда я вам сдамся!

Бросили в Сафара шерсть. Упала шерсть на открытую рану у сердца. Окружили красную рану Сафара мухи и стали сосать из нее кровь. Хотел было Сафар той рукой, что держала сабельный клинок, отогнать мух, как собаки Гоцинского схватили его.

Отшатнулась скала.

— Куда ты уходишь? — крикнул скале Сафар. Подалась скала вперед.

— Помоги мне уйти из плена, — прошептал ей Сафар.

— Как я помогу тебе? — спросила скала. — Ты в руках врагов.

— Стой тверже! — сказал ей Сафар и ударился головой об острый выступ.

Не покачнулась скала. Замертво упал к ее ногам Сафар.

Д Ж И Г И Т М А К Ы Ш

КАЗАХСКАЯ ЛЕГЕНДА

Что я видел, о том и пою...

Появился могучий сырттан¹.
Он седую шкуру свою
Нес по степи из стана в стан.
Его зубы — кривые ножи,
Его мех — как седой ковыль.
Он, как хан родовитый, жил,
Резал телок, овец и кобыл.
Он посеял в аулах страх,
Пастухи трепетали пред ним.

¹ Сырттан — вожак волчьей стаи.

Он бывало с бараном в зубах
Исчезал, как кизячный дым.

Что я видел, о том и пою...

Был в ауле охотник Макыш,
Знал он степи, как юрту свою,
Понимал, что шепчет камыш.
У него — вороной аргамак¹,
У него — старинный соил².
Уезжал он бесстрашно во мрак
И без промаха зверя бил.
Бил волков он и рыжих лис,
Барсов бил и беркутов бил.
Даже в час, когда пенил кумыс,
Он держал наготове соил.

Что я видел, о том и пою...

Снег в степи голубой был глубок.
Носом чуя добычу свою,
К стаду шел седошкурый волк.
Тут вскочил Макыш на коня
И помчался за волком с камчой³.
Кровь к щекам прилила горячо.
Был Макыш искусен в езде,

¹ Аргамак — породистый конь.

² Соил — длинная палка для охоты на зверей и для боя.

³ Камча — плетка.

Аргамак его к гонке привык.
При вечерней дрожащей звезде
Он сырттана седого настиг.

Что я видел, о том и пою...

Слез с коня отважный джигит,
Взял он в руку камчу свою,
А сырттан наготове сидит.
Волк бы сделал прыжок как раз,
Горло рвал бы, упершись в плечо,
Но ударил его между глаз
Разъяренный Макыш камчой.
А потом беспрерывно бил,
Бил по морде и между ног,
Бил, покуда не перебил
Волчьи ребра и позвонок.

Что я видел, о том и пою...

Возвращался Макыш домой,
А в ауле, в родном краю, —
Топот, выстрелы, ржанье, вой,
А в ауле — пожар, раззор,
Обещанных девушек стыд,
И по степи в сторону гор
Банда белая вскачь летит.
Озираясь назад порой,
С перекошенным, злобным лицом,

Уезжал офицер седой
На гнедом жеребце рысцой.

Что я видел, о том и пою...

Ничего не сказал Макыш,
Сбросил волка... И лошадь свою
Повернул от горящих крыш.
Был Макыш от усталости сер,
Спать хотел он и голоден был,
Но, боясь, что уйдет офицер,
Он усталость свою позабыл.
Он камчою взмахнул и помчал,
Как в разгаре степной байги¹.
Так столкнулись клинок и камча,
Так столкнулись ночью враги.

Что я видел, о том и пою...

Закричал Макыш и умолк:
Он почуял в ночном бою,
Что пред ним — самый лютей волк.
Зарубил бы актыр² как раз,
Кровь бы хлынула горячо,
Но ударил Макыш между глаз
Офицера с размаху камчой.
А потом непрерывно бил,
Бил без памяти, бил, как мог,

¹ Байга — скачки во время празднеств.

² Актыр — белогвардеец.

Бил, покуда не перебил
У врага своего позвонок.

Что я знаю, о том и пою...

Коль враги перейдут рубежи,
Мы за родину встанем свою,
За счастливую встанем жизнь!
Коли ружей не будет у нас,
Мы камчи свои в руки возьмем
И в тревожный для родины час,
Как Макыш, на врагов пойдём.
Будем биться Макыша лютей
На песках пограничной реки
И, за счастье своих детей,
Перебьем врагам позвонки!

КАК ОХОТНИК ФЕДОР ЯПОНЦЕВ ПРОГНАЛ
РУССКАЯ СКАЗКА

На Дальнем Востоке, близ манчжурской границы, жила семья охотника: старик и три сына. Старшие два брата ходили на охоту, а младшего, Федора, оставляли дома.

Раз приходят братья с охоты. Федор и говорит:
— Я тоже буду ходить на охоту.

— Ты еще молодой, вырастешь — находишься, — говорят братья.

А Федор на своем стоит.

Назавтра встают братья и уходят. И Федор собрался, тоже пошел охотиться.

Идет он и всё примечает: кустик ли ему попадет, или какой пенек, или какая лесина, куда она накренится, — всё примечает.

Попалась ему белка. Хотел он ее стрелять. А белка говорит:

— Зачем ты меня стрелять будешь? Теперь весна, шкура у нас негодная. Вот придет осень — тогда и время охотиться.

Попался Федору медведь. Он и его хотел застрелить. Медведь говорит:

— Не стреляй, Федя: сейчас у меня шкура никудышная, шерсть облазит. Когда буду осенью ложиться в берлогу, тогда и время охотиться.

Разные звери и птицы встречались Федору. И приходилось ему переговариваться с каждым.

Пришел Федор домой. Пришли и братья и видят — принес Федор много добычи. Садятся за стол, начинают беседу. Братья говорят:

— Как ты это, Федор, много бьешь? Ты просто мастер.

Федор улыбнулся и стал им рассказывать:

— Тут, — говорит, — требуется большой труд и уменье.

Они ему говорят:

— И мы тоже трудимся, ходим, но почему-то не убиваем столько.

— Тогда идите завтра со мною.

Назавтра стал Федор показывать братьям, где что нужно запомнить.

Подходят они к бурной речке. Он переходит через речку. Они удивляются:

— Как ты это, Федор, всё знаешь?

А он им показывает на пенек:

— Вот запомните этот пенек, и будете вы переходить.

Идут дальше, подходят к скалам. И по скалам так же пошел Федор. Братья — за ним. Прошли скалы, зашли в дремучий лес.

Старший брат говорит:

— Да уж ты, брат Федор, больно далеко забрался! Поздно, пожалуй, надо вернуться обратно.

— Вот возьмем, да и заночуем. Здесь, у границы, бывает, и двуногий зверь бежит. Но только огонек не будем раскладывать, а то может японец заметить.

Вдруг услышал старший брат шорох какой-то и хруст. Он за полу дернул Федора:

— Это что такое? Зверь какой?

Федор сказал:

— Пойдите, я пойду посмотрю, что творится там.

И стал Федор пробиваться между кустов. Сразу он понял, что идут люди. Да не один, не два, а целый отряд.

Позвал Федор братьев. Не сделали они и десяти шагов, как вдруг Федор подает шопотом команду стрелять. И все трое разом выстрелили. А японцы тоже стали стрелять, но сколько

они стреляли, попасть не могли. Когда пули летели по ногам — братья в то время подскакивали кверху, когда пули летели в голову — они падали плашмя на землю.

Японцев много. Пришлось братьям трудно. Стал просить Федор лес, чтобы лес помогал. И лес вставал японцам преградой. А как стали окружать японцы братьев, рухнула толстая сосна и придавила нескольких японцев насмерть. Поднялась страшная буря, гнула лес в дугу, хлестала ветвями неприятеля. Японцы кинулись в другую сторону, в обход. Тогда лес стал загибаться в дугу. Хватался Федор за лесину, и лесина перебрасывала его в ту сторону, где японцы, и бил их Федор нещадно.

Неприятеля было много, и стал Федор просить зверей, чтобы не пустить японцев на советскую землю.

Звери отовсюду появились во множестве. Тут и медведь прибежал, переваливаясь с боку на бок. Хватит медведь колодину, да и свалит на японцев. Волки хватили японцев за ноги и тащили их куда попало. На что кабан, — на того и надеяться нельзя было, — и тот щелкал клыками. Налетели на японцев птицы: были и орлы, были и мелкие птицы — и все заодно. Шум пошел, крыльями били в темя японцев, клевали насмерть. Даже белка не отставала, рвала кедровые шишки и била японцев по лбу.

Увидел Федор, что есть подмога хорошая, вся природа помогает против японцев: и звери, и птицы, и лес, и буря. Говорит он тогда братьям:

— Продержитесь как-нибудь, а я побегу к пограничникам.

Бросил шапку, бросил тужурку, побежал. Бежать было трудно. Он придумал сдернуть унты¹, остался босиком. Истерзал свои ноги, но боли не чувствовал, думал только одно: добежать во что бы то ни стало.

Силы перестали служить ему. Тут выскочил сохатый².

— Скорее, Федя, на меня садись да покрепче за шерсть держись!

Пустился сохатый, как каленая стрела, спущенная из лука.

Добрался Федор к пограничникам, поднял тревогу.

Пограничники были все на ногах.

— Давайте, братцы, помогите! Японец зашел! Не отдавайте ему советскую землю! Нужно гнать его!

Пограничники побежали за Федором, обошли японцев с другой стороны и забрали всех.

Стал красный командир хвалил братьев и спрашивать:

¹ Унты — обувь.

² Сохатый — лось.

— Как же вы это трое управлялись с таким отрядом?

А Федор отвечает:

— Товарищ командир, мы ведь не одни были. Вся природа шла на подмогу: звери и птицы, лес и буря.

ТРИ СЫНА
РУССКАЯ СКАЗКА

Было у старика три сына. Старший сын пошел в моряки, второй сын обучился на аэроплане летать, а третий сын пограничную стражу нес.

Отбыл старший сын службу, приехал героем. Одет красиво, в лентах. Обрадовались отец с матерью и говорят:

— Ты-то приехал, а те двое еще не отслужились.

Который был на самолете, тоже скоро прилетел. Спустился самолет возле деревни, и вышел средний сын. Одет тоже хорошо, в ремennom

пиджаке, в шапке кожаной. Поздоровался. Обрадовались старики и говорят:

— Хоть бы скорей младший приезжал!

А третьего сына нет и нет. Всё на границе сын. Командиры очень его любили. Крепко знал он службу, правила соблюдал. Увидал он раз: враг границу переходит.

Поймал врага живьем и командиру представил. Враги, конечно, озлились. Стали следить за третьим сыном, напали на него как-то ночью, утащили в плен, давай выспрашивать:

— Сколько у вас войск да где эти войска стоят?

Третий сын говорит:

— Мне про это ничего не известно. Я знаю только одну свою стражу.

Не поверили враги.

— Врешь! — говорят. — Как ты солдат, то должен всё знать. Иначе мы тебя не отпустим, а будем казнить.

Третий брат сказал:

— Это дело ваше. А я знать ничего не знаю. А знал бы, так всё равно не сказал бы.

— Ах, ты вот, значит, какой! — говорят враги.

И стали его изнурять, кинжалами в него тыкать и зверство творить.

Он весь кровью изошел, голову склонил и кончался уже, а ничего не сказал. Видят враги —

разговора от него не добьешься, вышвырнули его обратно за границу.

А братья всё ждут меньшого да думают: „Что это дорогой брат не является? Пора уж!“

И вдруг письмо приходит: „Погиб ваш герой в руках у злодеев“.

Долго плакали отец с матерью, а брат, который на аэроплане летал, говорит флотскому брату:

— Поедем к товарищу Сталину, скажем: желаем быть там, где наш брат погиб.

Приехали к товарищу Сталину, говорят ему:

— Так и так, дорогой товарищ Сталин, вздумали мы отомстить злым врагам за нашего брата.

Сталин говорит:

— Ладно, ежайте.

И отправились они туда, где брат служил. Прилетели на границу, встречает их пограничный командир, говорит:

— Не застали вы брата своего в живых. Уж мы старались спасти, да ничего не помогло. Только что брат ваш кончился.

Пришли к нему братья, видят: весь он раненный, порезанный. И стали братья о нем плакать, а средний брат, который на аэроплане летать был обучен, сказал:

— Нужно нам в горы слетать. Там всякие ключи бьют. И есть особенный ключ с живой водой: от этой воды заживают раны, человек выздоравливает.

Флотский брат говорит:

— Летим быстрее! Найдем живой ключ.

Сели на аэроплан, покатали в горы.

Прилетели. Стали ключевые воды искать. Нашли маленький родничок. Вода в нем ключом кипит, а сама, как лед, холодная. Набрали они воды и думают: нужно ее проверить. Только об этом подумали — глядь, заяц сидит. Прицелились в зайца и убили. Старший брат и говорит:

— Теперь давай этого зайца испробуем: оживет он или нет?

И стали брызгать зайца водой. Брызнули в рану, где пуля была, брызнули другой раз, а на третий заяц зашевелился, встряхнулся. Да как вскочит! Да как побежит!

Обрадовались братья. Набрали воды в пузырек, сели на самолет и вернулись к младшему брату.

А тот лежит без движения: не спит, не дышит. Начали они на раны водой брызгать, а сами стоят возле и плачут. Брызнули раз, другой и видят: заплывают раны, затягиваются.

Брызнули в третий раз — брат зашевелился, поднял голову и сказал тихо:

— Ох, братцы вы мои, как я долго спал!

А братья говорят:

— Вечно б тебе спать, если бы не мы.

Командир на радостях домой отпустил их: поезжайте, мол, отдохните. И они решили к родным на аэроплане слетать. Прилетели на родину,

опустились возле деревни, пошли к своим родителям. Народ, конечно, знал, что меньшей брат убит, — смотрит, а меньшей живехонек. Только очень уж он худой да бледный, даже краски в лице нет. Побежали люди вперед братьев к старикам:

— Ваши детки идут! И младший живой, только очень тощой.

Обрадовались мать и отец, заплакали. Родным и тощой в радость.

Пожили они с неделку и говорят:

— А теперь нужно съездить к Сталину. Поедемте, братцы, все трое.

Отец с матерью говорят:

— Вы хоть мученого Егора оставьте.

— Нет, — говорит Егор, — я не останусь. Мне — к Сталину.

Так и сделали. Сели в аэроплан, поехали. Приезжают к Сталину, дают ему знать.

Сталин, конечно, позвал их в Кремль, пригласил садиться, велел рассказывать, как они брата своего спасали. Очень радовался Сталин, что спасли Егора, руки всем жал и говорил:

— Чего вам от меня желательно?

Меньшой брат, который выздоровел, ответил:

— Желаем все трое не разлучаться, вместе быть. Желаем все на Дальнем Востоке на границе служить.

Сталин им ответил:

— Так тому и быть. Героям не откажешь.
Я таких героев очень обожаю и люблю.

Дал он им ордена, и уехали братья на границу.

Пошел меньшей брат на стражу, увидели его враги, кричат:

— Эй, Егор! Это ты?

— Я самый, — говорит он.

— Ведь мы тебя убили, — удивились они.

Егор отвечает:

— Вы нас как ни убивайте, мы опять оживем.

Побежали враги в испуге к своим начальникам, докладывают. Начальники ужас как перепугались, за голову хватаются:

— Это никуда не годится такое дело! Как нам теперь быть, что ж нам теперь с ними делать? Выходит, что нам их никогда не уничтожить.

деревьях фонари разноцветные горят. Федор и говорит:

— Вот, наверно, это и есть самое лучшее и самое дорогое, потому что все здесь веселые и довольные.

Только он это сказал, клубочек у Марьи из кармана выпрыгнул, успела только Марья конец нитки схватить, и покатился клубочек дальше. Идут Федор, Алексей да Марья за клубочком, и клубочек остановился перед большим красным домом. Около самого дома народу — многое множество!

Взяла Марья клубочек в карман, вошли они в дом. Смотрят: белая лестница цветами зарощена. Пошли они по лестнице. Видят — в доме золотыми буквами написано и показано про жизнь хорошего человека, который ко всем нашим чудесам вел. И шли они до самой последней комнаты. Видят — в комнате флагов множество, наклонены флаги посреди комнаты, и от них красный свет, а посреде комнаты — памятник.

Марья тут и сказала:

— Привел клубок нас к большому человеку!

Не успела она слова молвить, выскочил клубочек из кармана, успела она только нитку схватить, и покатился клубочек всё дальше и дальше. Идут они за клубочком и подходят к каменной стене.

Прокатился клубочек в ворота и подкатился к белому дому.

Взяла Марья клубочек в карман. Тут отворяются двери, и встречает их сам товарищ Сталин. Провел их Сталин к себе в комнату и стал их обо всем расспрашивать, а они — обо всем рассказывать.

И стали они у Сталина мудрые вопросы спрашивать, и первый вопрос — о том, как им жить лучше и богаче.

Сказал им обо всем Сталин.

Тут Марья и говорит:

— Что же есть самое дорогое и самое хорошее? Это жизнь наша. Да никогда она не была бы такой, коли бы нам не сказали наши мудрые правители, как жить, а потому самое мудрое и самое дорогое — это слова товарища Сталина, которые он нам сказал.

Распростились они с товарищем Сталиным, проводил он их, и вышли они в Москву.

Хотела было Марья взять клубочек, — сунула руку в карман, а клубочка-то и нет! Стали они его искать. Искали, искали, и к Сталину воротились, и у него искали — не обронили ли где, и по дороге смотрели, — так и не нашли. Ну, уж тут дорога была известная, сели они на машину и поехали.

Приехали они в колхоз. Их колхозники спрашивают:

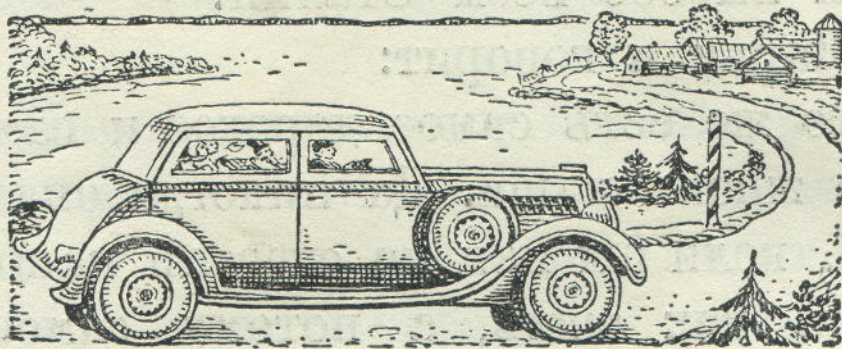
— Ну, что́ есть самое дорогое и самое лучшее у нас на земле?

И тут они все сразу ответили:

— Самое лучшее и самое дорогое у нас на земле есть слово товарища Сталина.

И рассказали они тут всё — как, что с ними было и где они были.

И все колхозники на том согласились.

А Л Ы Й Ц В Е Т О К

РУССКАЯ СКАЗКА

Был колхоз „Отрада“. Выбрали заведывать колхозом Жукова Павла.

Очень бедно жил Павел раньше, а хозяин он был хороший. Очень хорошо Павел колхоз повел. Кулаки-богачи возненавидели Павла, во всю бытность свою серчали на него и думали всё: „Как бы нам извести его?“

Вдруг извещение дали: на съезд колхозникам собираться. Выбрали Павла. И поехал Павел на съезд. Приехал в Москву, в Кремль. Множество в Кремле было колхозного народу, и стали все

рассказывать — всяк о своем, хорошем и плохом. Павел тоже начал говорить:

— Колхоз „Отрада“ у меня очень хороший, я три года заведующим в колхозе, и все меня слушают. Я приобрел конюшню, приобрел ясли, у меня все идет на работу с песнями.

Сталин взглянул на Калинина, говорит:

— Слышь, Михаил Иванович, это про него говорят, что колхоз хорошо ведет?

А тут и Ворошилов упомянул:

— Наградить его надо! Коней хороших для Красной армии растит.

И постановили Павлу ленинский орден дать.

А Калинин сказал:

— Старайся, Павел, а если что — мы вам будем помощь давать.

Приехал Павел домой, и увидели эти самые кулаки-богачи, что у него самая высокая награда. Собрались в уголку, шипят-говорят: „Что нам с ним делать? Все силы нужно приложить, а его извести“.

И стали за ним следить Кирюха и Митюха — кулаки самые что ни на есть. Пошел Павел вечером в колхозный сад, и дали они выстрел на дальнем расстоянии, а пуля попала прямо в орден. Видят враги: не сделали они ничего Павлу, только орден помяли.

Павел опять работает, а кулаки только и думают, как его извести.

Пошел Павел в лес. Кулаки — за ним. Он почувствовал, что они в лесу, побежал от них. Они — за ним. Догнали. А в лесу яма была глубокая. Поймали кулаки Павла, связали да в эту яму и бросили. Целых три дня Павел в яме лежал.

Хватились колхозники Павла: нет нигде. Искали везде, никак найти не могут. Один мужичок в лесу влез на дерево и видит: в яме огонек светится. Слез с дерева, подходит к яме, — а там Павел лежит, на груди орден светится. Обрадовался мужичок, крикнул товарищам. Вытащили они Павла и спрашивают:

— Кто тебя связал?

— Митюшка и Кирюшка связали. Думали, что меня волки съедят.

Стали бандитов искать. Ищут день, ищут другой, ищут третий. Не нашли. Скрылись они.

Отправился раз Павел в дальнее поле урожай посмотреть. Идет вдоль ржи, любит, — очень рожь хороша! Слышит, во ржи шуршит что-то. Думал, перепел. Вдруг кидаются на него двое. Хотел оборониться, да во ржи запутался.

Поймали они его и стали бить, а потом связали и закопали Павла живым возле реки.

Опять начали товарищи искать. Искали, искали целых два дня. Нет его! Идет в поиски мужик один возле реки и видит цветок алый красоты необыкновенной, и захотелось ему этот цветок

сорвать. Нагнулся мужик, хватать за цветок, — а цветок ему человеческим голосом:

— Не рви меня, разрой землю подо мной.

Удивился мужичок. Принялся он разрывать землю и видит: закопан в земле Павел.

Обрадовался он Павлу, повел его в колхоз. Пришли в колхоз, а в колхозе Кирюха и Митюха народ смущают, говорят, что колхоз к неправильному ведет, что в колхозе хуже жить будет.

— Вдруг входит Павел и говорит:

— Вот эти самые люди, Кирюха да Митюха, меня связали и возле реки зарыли. Да, на мое счастье, вырос надо мною цветок от моего ордена, который мне товарищ Сталин дал.

И тут крикнул весь народ:

— Связать их!

Кирюху и Митюху связали, а Павел стал жить, поживать да добра своему колхозу наживать.

ЛЕДЯНОЙ ХОЛМ

РУССКАЯ СКАЗКА

В некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живем, в старые времена в столичном городе проходила по берегу реки бедная вдова с маленьким сыном Колей.

Коля уронил нечаянно кусочек хлеба в воду. Этот кусочек заметила красноглазая рыбка и хотела его проглотить. Увидел это ерш и бросился к ней, чтоб отнять нежданную добычу. А рыбка закричала. На крик подплыл окунь, и они втроем пуще зашумели. Сбежались тут

стаи разных рыбок, и поднялась драка. А мальчик стоит и любуется рыбьей войной. Вдруг, откуда ни возьмись, подплывает золотая рыбка. Она тоже заметила лакомство и хотела схватить его, но получила такой удар в бок, что замерла близ бережка, будто мертвая. А мальчик радостно закричал:

— Мама! Возьми мне эту золотую рыбку!

Мать подошла и опустила руку в воду. Только она хотела вытащить рыбку из воды, как из-под колодины стрелой подлетела щука, схватила рыбку и сорвала с безымянного пальца вдовы перстень.

Вместе с рыбкой жадная щука проглотила и перстень. Увидя, что нет уж перстня на пальце, вдова горько заплакала и сказала сыну:

— Я потеряла перстень! Перстень этот мне подарила бабушка, когда умирала. „Носи, не теряй его, — сказала она. — Он теперь тусклый, не блестит и не сияет; а придет время, бедный народ выберет себе вождя, и ты должна этот перстень вручить тому вождю: на его руке перстень заблестит и засияет. И тогда откроются богатства холодных земель, и все люди будут счастливы, и ты тоже будешь счастлива“.

С тех пор часто вдова приходила на берег реки и ждала: не вернет ли щука ее перстень.

Раз приходит она и видит: тростник качается. Подошла поближе, глядит — в тростнике сети стоят, а в этих сетях щука запуталась. Освобо-

дила вдова щуку, пустила ее в воду. И заговорила вдруг щука человеческим голосом:

— О чем ты так кручинишься и горько плачешь?

Рассказала ей вдова обо всем, что случилось. Выслушала рыба и говорит:

— Твой перстень лежит далеко отсюда, во владении морского царя, на холодном холме, под самой яркой звездой. Там никогда еще не ступала нога человеческая.

Ничего больше щука не сказала, вильнула хвостом и уплыла.

Много годов после этого прошло, и крепко изменилась жизнь. Народ выбрал себе вождя, и бедные стали богатыми, а богатые лишились своего блаженства. Сын вдовы стал большим уже и кончил ученье и мог летать на стальной птице. А мать Коли постарела, волосы ее белеть уже начали.

Вот пришла она однажды на берег реки, села на скамейку и думает: „Дожила я до счастливого времени. Есть у нас мудрый вождь, есть у нас счастье. Пришла пора отдать перстень мудрому вождю. Да нет у меня перстня!“ И горько-горько она заплакала.

Подходит к ней человек с большой черной бородой и спрашивает:

— О чем ты так горько плачешь?

— Как же мне не плакать!

И рассказала она ему про перстень, как рыбу спасла и что поведала ей рыба. Тогда человек и говорит:

— Хорошо, что ты встретила со мной, а я есть Искатель. Я для блага народа всюду езжу и летаю, на небе звезды считаю и богатства на земле, и под землею, и под водами открываю. Я слышал об этом заповедном перстне. Для такого великого дела не пожалею я своей жизни, а достану этот перстень, хоть бы лежал он за тридевять земель, в тридесятом царстве в самой глубине морской.

Вдова выслушала его и сказала:

— Твоими бы устами мед пить, а твоей красивой бородой разметать все трудные напасти.

Попрощавшись со вдовой, Искатель пошел в круглый дворец, где, как в небе, солнце, луна и звезды небесные ходили. И со своими учеными товарищами стал Искатель рассматривать звезды, и нашли они самую яркую, самую холодную звезду, под которой находился холодный холм.

И сказал Искатель своим товарищам:

— Вот эта яркая холодная звезда находится на севере, она будет мне указывать путь к заповедному перстню.

Пошел Искатель к мудрому вождю народа, рассказал ему о желанном путешествии и просил вождя, чтобы дал он самый лучший корабль

с командой, поварами, лекарями и сестрами милосердными. А вождь, узнав о перстне заповедном, о том, что блеск и сияние его откроют народу богатства мира, дал Искателю всё, что он просил.

Спустя малое время Искатель приготовил всё, что требовалось для дальнего путешествия, и корабль был готов, а на вершине мачты колыhalось разукрашенное красное знамя, вышитое разными шелками и усыпанное драгоценными камнями. Попрощавшись с мудрым вождем, Искатель отплыл от столичного города по быстрой реке и пошел в широкие моря, в большие, великие океаны.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Наконец пришел корабль во владения морского царя. Только въехали, как царь зарычал:

— Сколько веков я царствую, еще никто не смел явиться ко мне!

И объявил морской царь Искателю войну. Выслал на него морских зверей с мохнатыми башками, с длинными клыками, со страшными глазами, а впереди всех — верного своего слугу кита со множеством белых медведей.

Перестрелял Искатель со своими товарищами всех зверей, дорогие шкуры содрал, мясо подобрал, а сам не унывает: каждый день вести посылает мудрому вождю, что свой путь вперед продолжает.

Видит царь морской, что побил Искатель морских зверей. Высунул царь из воды башку, разинул страшную пасть, дунул холодным духом поверх воды, и покрылось море ледяной броней. Да Искатель не испугался. Призвал товарищей, приказал им броню ломать. Взялись товарищи за руль, повели корабль вперед и ледяную броню тяжелым кораблем изломали.

Видит морской царь: ничто остановить Искателя не может! Выпучил он тогда свои огромные, как мельничные колеса, глаза, над ними же — мохнатые брови. Как повел царь этими бровями, сделалась сразу страшная буря, снежная метель и ночная тьма. Тут товарищи и говорят Искателю:

— Ехать дальше нельзя.

Вышел Искатель на палубу корабля, потрянул своей красивой бородой — пропали метели. Позвал Искатель товарища с чудесным зеркальцем. И как взошел тот на палубу, сразу сделалось светло от зеркальца.

А Искатель всё не унывает, каждый день мудрому вождю вести посылает о всех боях с царем морским и от вождя тотчас ответ получает и путь вперед продолжает.

Видит царь морской, что и это не помогло. Разинул он страшную пасть, выставил огромные клыки, — стало море, как кипучий котел. И скавал царь Искателю:

— Платите дань, а не то я всех вас в полон возьму!

Наотрез отказался Искатель дань платить и путь свой продолжал. Тут морской царь сжал корабль мохнатою клешней, нос корабля отхватил. И стал корабль тонуть.

Призвал Искатель товарищей, приказал все вещи на ледяную скирду выносить. А сам Искатель поднялся на высокую мачту, снял драгоценное знамя.

Только сошли все на скирду ледяную, корабль утонул. Стали они устраивать на ледяной скирде шатры, стенки шатров шкурами морских зверей обивать, под бока подстилать. Всем дела хватило!

Кто еду готовил, кто за кипучим морем зорко дозорил.

А Искатель призвал товарища Радослуха и говорит ему:

— Скажи всему народу, что мы живем на льдине, близ холодного холма, против яркой и холодной звезды.

И Радослух крикнул так громко, что услышал его весь народ, и весь вольный свет, и сам мудрый вождь.

Взял Искатель знамя и пошел к холодному холму, где лежал заповедный перстень. Расковырял холодный холм и достал перстень, вернулся к своим товарищам и приказал устроить

пир. А на то место, где перстень лежал, Искатель поставил драгоценное красное знамя, и свет от него сиял, как радуга-дуга.

Тогда царь морской им говорит:

— Я вас всё равно не мытьем, так катаньем возьму — заморожу.

Но и мороз они перенесли благополучно. Видит морской царь, что и это их не берет. Выплыл тогда он наверх и ударил хвостом по льдине, и раскололась льдина надвое.

Тут Искатель приказал перенести все вещи на ту льдину, на которой он сам находился. И только они успели всё переправить с другой льдины, как царь морской потащил ее на дно моря. Посмотрел он, что было в жилищах, — а там не только людей нет, а даже никакой вещи не осталось! Плюнул царь с досады, да так плюнул, что море вздулось, и вырос столб вышиною до небес и сразу замерз.

Видит морской царь, что ничто не берет, ничто не пугает Искателя. Разинул он свою пасть и стал грызть ту льдину, где остались жить люди с Искателем.

С каждым днем льдины всё меньше и меньше остается.

Призвал Искатель Радослуха и говорит:

— Сообщи скорее мудрому вождю: остается нам жизни несколько дней и несколько ночей, находимся мы в большой опасности.

Г. С. С. С. С.

Как только вождь услышал о несчастье, сказал, чтобы слетались к нему все стальные птицы. И слетелись тут же птицы. И на каждой птице сидел герой-богатырь. И все они дали согласие спасти Искателя и его товарищей.

Поблагодарил их мудрый вождь, и полетели они в далекий путь.

А Искатель уж знал, что к ним стальные птицы спешат. Призвал он товарищей и говорит:

— Расчищайте ледяное поле, чтобы было где птицам сесть.

Стали товарищи срывать горы.

В памятный день под самыми небесами слышит Искатель урчание, будто тетерева играют. Но их не видно: такую тьму напустил морской царь, такие метели да бураны нагнал!

Позвал тогда Искатель товарища, заиграл тот чудесным зеркальцем, показал правильный путь стальным птицам.

А на самой огромной птице летел Коля; пробился он сквозь бураны и снежные метели и сел на приготовленное ледяное поле.

А как радовались при встрече — ни в сказке сказать, ни пером описать!

Усадил Искатель всех женщин на стальную птицу, с малыми ребятами, а морской царь еще пуще стал сжимать льдину. Но герой Коля поднял птицу под самые небеса, а остальные пти-

цы одна за другой опускаются: одна кружится, а другая на приготовленное место садится. И все товарищи сели на стальных птиц, а последним поднялся сам Искатель с заповедным перстнем. И крикнул на прощанье морскому царю: — Мы тебя победили!

Высунул царь морской свою безобразную зеленую башку и хотел проглотить холодный холм с красным знаменем.

Это заметил юный герой-богатырь, пустил птицу вниз и приказал ей, чтобы она сильно клюнула в башку морского царя. И она так сильно клюнула, что дурная башка разлетелась на несколько частей.

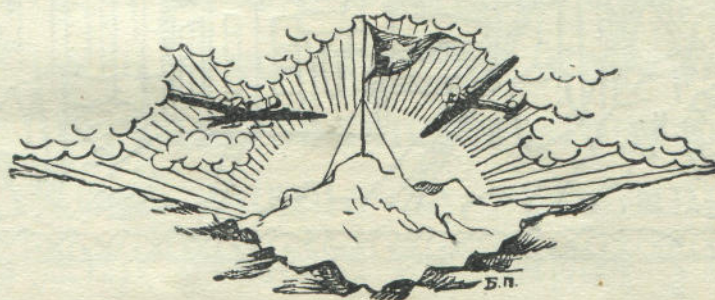
Полетели птицы в теплые земли, осталось на холодном холме красное знамя драгоценное. Оно развевается и развеяться будет вечно, и будет оно всем путь показывать.

Весь народ ожидал возвращения Искателя. Вождь приказал сделать пир на весь мир. И пришла на этот пир радостная вдова встретить сына своего любимого, увидеть заповедный перстень.

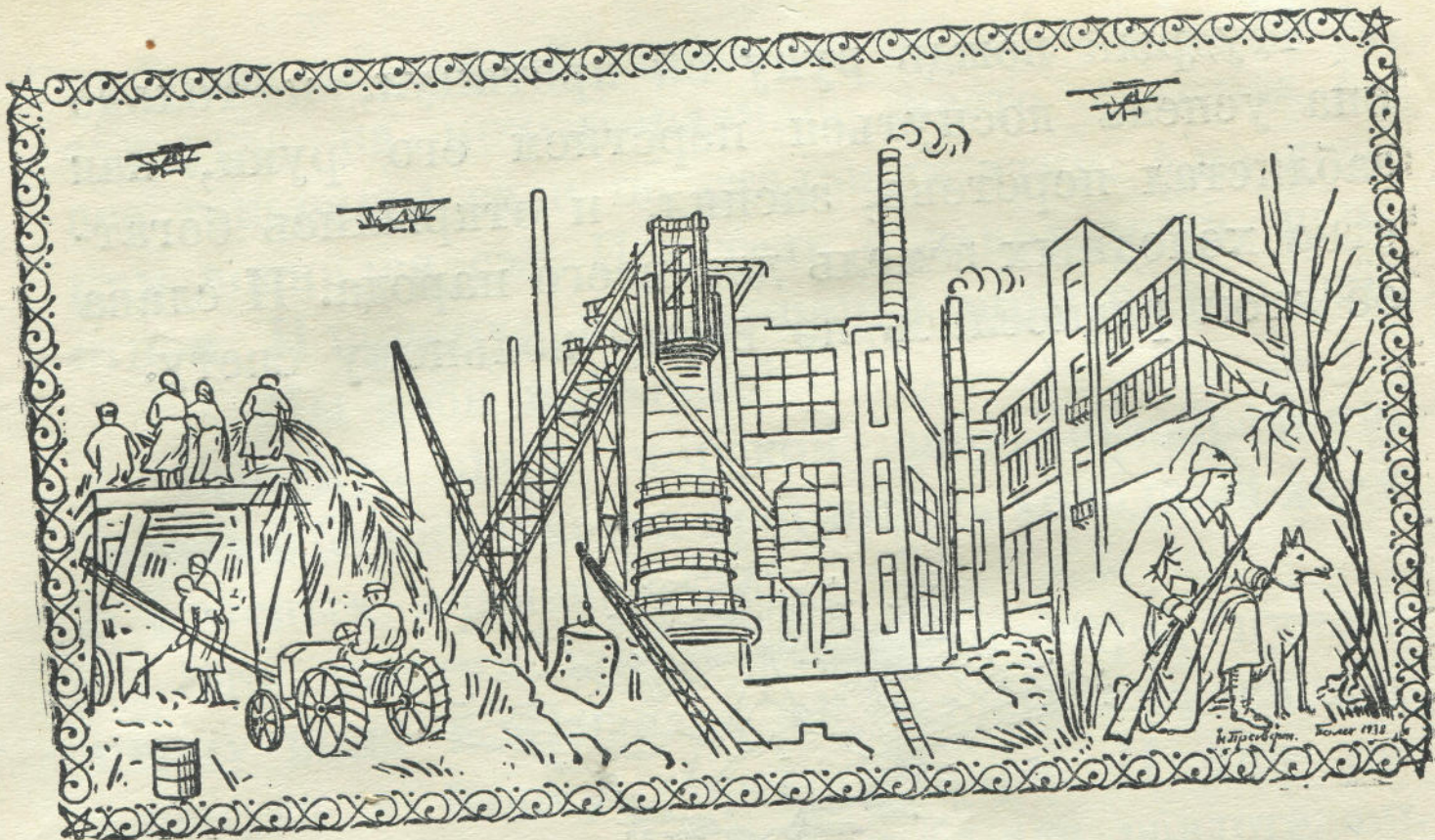
Сели птицы возле дворца на чистую, как хрусталь, площадь. Первым вышел Искатель с перстнем. К нему подбежала вдова, и он ей вручил перстень, и она смело подошла к мудрому вождю и просит его:

— Возьми заповедный перстень!

Мудрый вождь руку ей протянул, и только она успела коснуться перстнем его руки, как заблистал перстень, засиял, и открылись богатства холодных земель для всего народа. И слава об этом разнеслась по всему вольному свету.

См. также в каталоге

~~СТАВА СТАЛИНУ БУДЕТ ВЕЧНАЯ~~
РУССКАЯ БЫЛИНА

Не Белое море взволновалось —
Молодецкое сердце стрепенулось,
Могучи плечи сшевелились,
Иосиф-свет призамыслился.
Он задумал думушку крепкую.
Темны-ноченьки просиживал,
Дни же белые продумывал.
Он решился итти в превеликий бой,
В превеликий бой за рабочий люд.
Он скорехонько тут собирался,
В путь-дорожечку поспешался.

Две-то зорюшки утренние сходилися,
Два-то ясных сокола слетались,
Два дородных молодца съезжались.
Первый-от был Ленин-свет,
Второй-от — славный Иосиф-свет.
Они свиделись, познакомились,
Познакомились, разговорились.
Они начали меж собой разговор вести,
Что собрать надо крепку партию,
Крепку партию большевистскую,
Чтобы с ней заодно за весь мир стоять,
За весь мир стоять, за народ умирать.

Храбро бился за народ Иосиф-свет,
Не жалел себя, не жалел труда,
Многих он людей от смерти спас.
Да подкрались к нему лиходеи царя,
Когда крепко спал Иосиф-свет,
Да связали ему руки белые,
Опутали путами ременными,
Задержали в арканы железные.
Провели его через строй солдат,
Издевались над ним, изгилялися¹.
Да не дрогнул тут ~~Иосиф-свет!~~
Он прошел походочкой смелою,
Черны кудри его не стряхнулись,
Очи ясные его не помутились,
Он смотрел вперед с улыбочкой.

¹ Изгиляться — издеваться, измываться.

Рассердились тут слуги царские,
Засадили его в темну́ тёмницу,
В темну́ тёмницу — злодейку заключенную.
Они хотели Иосифа-свет огнем сожгать,
Они хотели Иосифа-свет водой залить,
Они хотели его злым зверям отдать,
Они хотели сморить его голодом.
Уводили его во темны́ леса,
В страну северную, тундру холодную.
Они думали, что он там замрет,
Что погибнет он там смертью лютою.
Да не так-то всё случилось,
Не по лютым врагам приходилося!
Где Иосиф-свет пройдет —
Там ведь ключ пробьет,
Ключ пробьет, трава растет,
Трава растет, цветы цветут.
Полюбил Иосифа-свет трудовой народ,
Любил, хранил его от лихих врагов!

Ясна зорюшка занималася,
Друзья мудрые опять сходились:
Первый-от был всё Ленин-свет,
А второй-от — его верный ~~друг~~ ~~друг~~.
Скоро, скоро созвали они крепку партию,
Крепку партию большевистскую.
Приходили к ним солдаты ратные,
Говорили, что прогнали царя-изменщика,
Что раззорил царь, разрушил родину.

Вместе сделали заседаньице,
Порешили так дела свои:
Пусть народ теперь правит сам собой!
Руководит им славный Ленин-вождь
Со своим другом, мудрым ~~Сталиным~~.
Узнавали о том змеи лютые,
Узнавали о том звери дикие,
Узнавали о том птицы хищные,
Еще та ли вся армия белая
С офицерами да со царскими, —
Стали грабить они и жечь города,
Стали бить-обижать трудовой народ.

Не ясный сокол тут полетывал, —
Славный Сталин-свет поразъезживал
Со своими друзьями со храбрыми.
Со Красною армией верною
Он рубил и бил силу белую,
Он рубил и бил не день, не два.
Те остались жить, кто успел сбежать.
Он очистил дороги прямоезжие,
Он очистил города и деревеньки,
Еще те ли границы русские.
Он поставил на них стражу верную,
Еще славных ребят-пограничников.

Тут свалились с земли цепи крепкие,
Светом вся земля осветилася.

Растаяли, отошли вековые льды,
И свободным стал трудовой народ!
Тут взялись вожди за строительство,
За строительство за советское,
Да несчастье вдруг случилось —
Подкосила смерть вождя-Ленина.
При кончине своей он призвал к себе
Друга верного, славна ~~Сталина~~.
„Ты прима́й, прима́й все дела мои,
Ты веди народ к счастью светлomu,
Ты учи его, помогай ему“.
Сталин дал ему слово верное,
Как булат, оно было крепкое.
Он пошел путями Ленина
И стопами большевистскими.

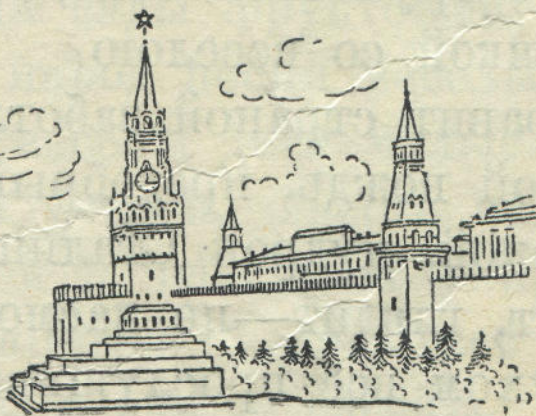
Начал мудрый вождь украшать страну,
Перестроил всё ново-заново.
В деревнях пошли колхозы крепкие.
Работать стали всё машинами.
Жить-то стали все зажиточно.
Зацвели сады фруктовые,
Запел народ песни веселые,
Стали веселы дети малые.
Города устроил людям на́диво —
Крышей в небо дома упираются,
А убранство в домах всё пречу́дное,
Что ни в сказке сказать, ни пером
описать.

Как под матушкой каменной Москвой
Ходит чудо-машина подземельная.
Со всего свету люди съезжаются,
Делами Сталина-свет дивуются.
Есть чего попить, покушати,
Молодежи есть чему радоваться,
Есть чему и где поучиться,
Старикам-то жить снова хочется.
Границы у нас укрепленные,
От врага крепко защищенные.
Красна армия наша храбрая,
Самолеты у нас тучей сдымутся,
Ледоколы у нас грудью двинутся,—
Только смей-ко враг потрогать нас!

Хороша Москва прекрасная!
Всего краше-дороже стена кремлевская
Со высокими всё со башнями,
Со звездами всё со блестящими.
Как со той башни день и ночь
Во платье-то во военном всё,
В руках с трубочкой с подзорною,
Со улыбочкой со веселою
Глядит-правит страной заботливо
Превеликой вождь, предобрый отец,
Еще славной, мудрой Сталин-свет.
Он глядит, глядит—не насмотрится,
Чутким ухом всё прослушивает,
Зорким взором своим всё видит.

Он всё слышит-видит, как живет народ,
Как живет народ, как работает.
За хороший труд награждает всех,
Он в Москву к себе приглашает тех.
Он встречает всех очень ласково,
Говорит-то со всеми весело,
Он проводит в свои светлы горницы,
Он сажит их за столички точеные,
За точеные столички за дубовые,
Он на стулики сажит на мягкие.
Порасспросит всё, поразведает:
Как работают, чем нуждаются,
Сам дает советы мудрые.

Как про Сталина-свет дела славные,
Про его доброту превеликую
Ни пропеть будет, ни описать всего!
Слава Сталину будет вечная!
Много лет ему жить да здравствовать
Белому-то морю всё на тишину,
А Москва-реке на велику честь!

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАЖГЛАСЬ ЗОЛОТАЯ ЗАРЯ. Ойротская легенда . . . 8

Записана в 1934 году со слов Даабы Юдакова, колхозника из поселка Айлу Элекмонарского аймака Ойротской автономной области. Перевод с ойротского.

ЛЕНИНСКАЯ ПРАВДА. Белорусская сказка 15

Записана в деревне Зломное Жлобинского района Белорусской ССР. Перевод с белорусского.

ЖИВ ЧАПАЕВ! Русская сказка 20

Записана в 1936 году со слов колхозницы Анастасии Ивановны Филониной в селе Куриловка Куйбышевской области.

СМЕРТЬ ЧАПАЕВА. Русская сказка 26

Записана в 1937 году со слов колхозника Матвея Михайловича Кордужева в колхозе „Красный рыбак“ Лоухского района Карельской АССР.

ГЕРОЙ САФАР. Аварская легенда 34

Записана в 1932 году со слов Гаджи-Расула Ибрагимова в селе Хунзах Хунзахского района Дагестанской АССР. Перевод с аварского.

ДЖИГИТ МАКЫШ. Казахская легенда 41

Записана в 1936 году со слов народного певца Утепа Онгарбаева, колхозника колхоза „Бирлик“ Кастекского района Казахской ССР. Перевод с казахского.

КАК ОХОТНИК ФЕДОР ЯПОНЦЕВ ПРОГНАЛ. Русская сказка 46

Записана в 1937 году со слов Г. И. Сороковикова из деревни Ближний Хобок Саганурского сельсовета Тункинского аймака Бурят-Монгольской АССР.

ТРИ СЫНА. Русская сказка 52

Записана в 1937 году со слов В. И. Беспаликова из деревни Якишино Озерского района Московской области.

САМОЕ ДОРОГОЕ. Русская сказка 58

Записана в 1937 году со слов колхозника Федора Андреевича Конашикова из села Семеново Пудожского района Карельской АССР.

СТНАЯ
СТЕНА

АЛЫЙ ЦВЕТOK. Русская сказка 65

Записана в 1937 году со слов В. И. Беспаликова из деревни Якишино Озерского района Московской области.

ЛЕДЯНОЙ ХОЛМ. Русская сказка 69

Записана в 1937 году со слов колхозника Ивана Федоровича Ковалева из села Шадрино Воскресенского района Горьковской области.

~~СТАВА СТАНИНУ БУ ДЕТ ВЕЧНАЯ~~ Русская былина . 80

Записана в 1937 году со слов сказительницы Марфы Семеновны Крюковой из деревни Нижняя Золотица Приморского района Архангельской области.

ДЛЯ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор Н. Максимова. Художественный редактор Ч. Суворов. Технический редактор П. Беккер. Корректоры О. Ковалевская и Н. Вильтер. Сдано в производство 27/III 1938 г. одписано к печати 29/VII 1939 г. Детиздат № 1812. Индекс Д-6. Формат 82 X 110¹/₂. 11 печ. л. + 7 вклеек (11 учетн.-абт. л.). 3,88 б. л. 42.688 зн. в бум. л. Тираж 15000. Уполномоченный Главлита А-16174. Заказ № 365.

Набрано и сматрицировано в 1 Образцовой тип. Огиза треста «Полиграфкнига». Москва, Валуевая, 28. Отпечатано на Фабрике детской книги. Москва, Сухопутский вал, 49.